

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ
ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТ (ЗАДАНИЙ)**

ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

ОГСЭ.01 ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

для программы подготовки специалистов среднего звена

по специальности

54.02.01 «Дизайн (по отраслям)»

Щелково, 2022 г.

УТВЕРЖДЕНО:

Приказ директора

№ 2 от 01 сентября 2022 г.

Протокол Педагогического совета

№ 1 от 01 сентября 2022 г.

СОГЛАСОВАНО:

Протокол Учебно-методического совета

№ 1 от 01 сентября 2022 г.

Составитель: АНО СПО КИТП

Методические рекомендации по выполнению практических работ (заданий) (далее – Методические рекомендации) предназначены для студентов, обучающихся по программе подготовки специалистов среднего звена по специальности 54.02.01 «Дизайн (по отраслям)».

Методические рекомендации разработаны в соответствии с требованиями ФГОС СПО к условиям реализации программы подготовки специалистов среднего звена. Методические рекомендации содержат пояснительную записку, содержание практических работ, информационное обеспечение.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.....	4
2.	СОДЕРЖАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТ.	7
3.	ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ:.....	31

1. ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Методические рекомендации по выполнению практических заданий/ лабораторных работ (Далее – Методические рекомендации) по учебной дисциплине составлены в соответствии с требованиями ФГОС СПО и рабочей программой учебной дисциплины **ОГСЭ.01 Основы философии** для обучающихся по специальности **54.02.01 Дизайн (по отраслям)**.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

знать:

- основные категории и понятия философии;
- роль философии в жизни человека и общества;
- основы философского учения о бытии;
- сущность процесса познания;
- основы научной, философской и религиозной картин мира;
- условия формирования личности, понятие свободы и ответственности за сохранение жизни, культуры, окружающей среды;
- социальные и этические проблемы, связанные с развитием и использованием достижений науки, техники и технологий.
- основные концепции исторического развития, особенности Российской самобытности, проблемы массовой культуры, глобальные проблемы

уметь:

- ориентироваться в наиболее общих философских проблемах бытия, познания, ценностей, свободы и смысла жизни как основе формирования культуры гражданина и будущего специалиста;
- анализировать и оценивать мировоззренческие и этические позиции окружающих людей, общества в целом, государств и политических режимов;
- определять соотношение свободы и ответственности, материальных и духовных ценностей;
- критически анализировать источники информации, систематизировать полученные знания, формулировать доводы и доказательства;
- формулировать представление об истине и смысле жизни;
- выстраивать общение на основе общечеловеческих ценностей

формировать компетенции:

ОК 01. Выбирать способы решения задач профессиональной деятельности применительно к различным контекстам;

ОК 02. Использовать современные средства поиска, анализа и интерпретации информации, и информационные технологии для выполнения задач профессиональной деятельности;

ОК 03. Планировать и реализовывать собственное профессиональное и личностное развитие, предпринимательскую деятельность в профессиональной сфере, использовать знания по финансовой грамотности в различных жизненных ситуациях;

ОК 04. Эффективно взаимодействовать и работать в коллективе и команде;

ОК 05. Осуществлять устную и письменную коммуникацию на государственном языке Российской Федерации с учетом особенностей социального и культурного контекста;

ОК 06. Проявлять гражданско-патриотическую позицию, демонстрировать осознанное поведение на основе традиционных общечеловеческих ценностей, в том числе с учетом гармонизации межнациональных межрелигиозных отношений, применять стандарты антикоррупционного поведения;

ОК 07. Содействовать сохранению окружающей среды, ресурсосбережению, применять знания об изменении климата, принципы бережливого производства, эффективно действовать в чрезвычайных ситуациях.

Методические рекомендации по дисциплине предназначены для помощи обучающемуся при выполнении практических заданий и лабораторных работ на занятиях, и при подготовке к практическим и лабораторным занятиям.

Приступая к выполнению задания на практическом (лабораторном) занятии, обучающийся внимательно изучает цель и задачи занятия, знакомится с теоретическими и учебно-методическими

материалами по теме практического (лабораторного) занятия, и отвечает на вопросы для закрепления теоретического материала.

Каждое описание практической работы содержит цель, перечень оборудования, порядок выполнения задания.

Подготовка к практическим занятиям заключается в изучении теории на занятиях теоретического обучения и самостоятельного изучения дополнительной, рекомендованной литературы, предусмотренной рабочей программой.

Практическая работа считается выполненной, если она соответствует критериям оценки:

Оценка **«отлично»** ставится если, студент демонстрирует:

- сформированность терминологического аппарата;
- владение системой знаний на уровне осознанного применения при выполнении учебных/ учебно-профессиональных действий;

- оригинальность решения, в том числе при решении нестандартных задач;

- гибкость, системность, глубину мышления;

- применение методов, адекватных поставленной цели и задачам;

- выполнение работы в логической последовательности;

- грамотное использование символики и графических средств;

- проявление высокого уровня самостоятельности;

- от 90% до 100% правильность выполнения практической работы.

Оценка **«хорошо»** ставится если, студент демонстрирует:

- сформированность терминологического аппарата;

- владение программным материалом для выполнения учебных/ учебно-профессиональных действий,

- применение освоенных алгоритмов в типовой (знакомой), ситуации;

- применение методов, адекватных поставленной цели и задачам;

- выполнение работы в логической последовательности;

- грамотное использование символики и графических средств;

- выполнение практической работы самостоятельное;

- правильность выполнения – от 70% до 89%.

Оценка **«удовлетворительно»** ставится если, студент демонстрирует:

- недостаточную сформированность терминологического аппарата;

- недостаточное владение программным материалом для выполнения учебных/ учебно-профессиональных действий;

- применение освоенных алгоритмов в типовой (знакомой), ситуации с незначительными нарушениями;

- применение нерациональных методов для выполнения практической работы;

- отступление от логической последовательности при выполнении работы;

- неточность использования символики и графических средств;

- проявление недостаточного уровня самостоятельности (выполнение работы с помощью преподавателя);

- правильность выполнения – от 51 % до 69%.

Оценка **«неудовлетворительно»** ставится если, студент демонстрирует:

- недостаточную сформированность либо несформированность терминологического аппарата;

- недостаточное владение программным материалом для выполнения учебных/ учебно-профессиональных действий;

- применение освоенных алгоритмов в типовой (знакомой), ситуации со значительными нарушениями;

- применение нерациональных методов для выполнения практической работы;

- нарушение логической последовательности при выполнении работы;

- неточность использования символики и графических средств;

- проявление недостаточного уровня самостоятельности (выполнение работы с помощью преподавателя);

- правильность выполнения – менее 50 %.

Наличие положительной оценки по практическим работам необходимо для успешного прохождения промежуточной аттестации по учебной дисциплине, поэтому в случае отсутствия на занятии по любой причине или получения неудовлетворительной оценки за практическую работу, обучающийся должен устранить долг по данной работе.

2. СОДЕРЖАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТ.

Тема 1.1 Основные понятия и предмет философия

Практическая работа

- 1 Выясните (из дополнительной литературы), каков был порядок судебного разбирательства в Афинах, во времена Сократа? Кто были судьи и каково их количество? Почему в «Апологии...» Платона Сократ произносит три речи? К чему эти речи приурочены?
- 2 О каких двух разновидностях обвинителей говорит Сократ на суде? Почему первые обвинители страшнее вторых?
- 3 В чём обвиняли Сократа на суде и до суда?
- 4 Какое объяснение даёт Сократ тому, что Дельфийский оракул признал его мудрейшим из греков? Как вы объясните высказывание Сократа о том, что он «знает то, что ничего не знает»?
- 5 Почему Сократ сравнивает себя с оводом?
- 6 Портит ли Сократ нравы своих сограждан, что он поэтому поводу говорит?
- 7 Является ли Сократ законопослушным гражданином?
- 8 Каково отношение Сократа к смерти? Как вы понимаете, рассуждение Сократа о том, что «преданные философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью»? (Федон, 64а).

Апология Сократа

После обвинительных речей

Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Тем не менее, говоря без обиняков, верного они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному — тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас, же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если же они разумеют, то я готов согласиться, что я — оратор, только не на их образец. Клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что все, что я буду говорить — правда, и пусть никто из вас не думает ничего другого: да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью.

Так вот я и прошу вас, убедительно и умоляю, о мужи афиняне: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за того шума. Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду и так как здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем, говорил на том языке и теми складными речами, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, - позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош — все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет: в этом ведь и заключается дело судьи, долг же оратора - говорить правду.

Два рода обвинителей.

И вот правильно будет, о мужи афиняне, если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергался раньше, и против первых моих обвинителей, а уж потом против теперешних обвинений и против теперешних обвинителей. Ведь у меня много было обвинителей перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то опасаясь я больше, чем Анита с товарищами. И эти тоже страшны, но те еще страшнее, о мужи! Большинство из вас они восстанавливали против меня, когда вы были детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды, говоря, что существует некий Сократ, мудрый муж, который испытает и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду. Вот эти-то люди, о мужи афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что

слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом — обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только сочинителей комедий. Ну а все те, которые восстанавливали вас против меня по зависти и злобе или потому, что сами были восстановлены другими, те всего неудобнее, потому что никого из них нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а просто приходится как бы сражаться с теньями, защищаться и опровергать, когда никто не возражает. Так уж и вы тоже согласитесь, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни — обвинившие меня теперь, а другие — давнишние, о которых я сейчас говорил, и признайте, что сначала я должен защищаться против давнишних, потому что и они обвиняли меня перед вами раньше и гораздо больше, чем теперешние. Хорошо.

Критика прежних обвинителей.

Итак, о мужи афиняне, следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится между вами. Желал бы я, разумеется, чтобы так оно и случилось и чтобы защита моя была успешной, конечно, если это к лучшему и для вас, и для меня. Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, какое это предприятие. Ну да уж относительно этого пусть будет, как угодно богу, а закон следует исполнять и защищаться. Припомним же сначала, в чем состоит обвинение, от которого пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую Мелет и подал на меня жалобу. Хорошо. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их показание, как показание настоящих обвинителей: Сократ преступает закон, тщетно испытывая то, что под землею, и то, что в небесах, и выдавая ложь за правду и других научая тому же. Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами видели в комедии Аристофана, как какой-то Сократ болтается там в корзинке, говоря, что он гуляет по воздуху, и несет еще много разного вздору, в котором я ничего не смыслю. Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости в подобных вещах (не доставало, чтобы Мелет обвинил меня еще и в этом!), а только ведь это, о мужи афиняне, нисколько меня не касается. А в свидетели этого призываю большинство из вас самих и требую, чтобы это дело обсудили между собою все те, кто когда-либо меня слышал; ведь из вас много таких. Спросите же друг у друга, слышал ли кто из вас когда-либо, чтобы я хоть сколько-нибудь рассуждал о подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же справедливо и все остальное, что обо мне говорят. А если еще кроме всего подобного вы слышали от кого-нибудь, что я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, то и это неправда; хотя мне кажется, что и это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтинец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий. Все они, о мужи, разъезжают по городам и убеждают юношей, которые могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, оставлять своих и поступать к ним в ученики, платя им деньги, да еще с благодарностью. А вот и еще, как я узнал, проживает здесь один ученый муж с Пароса. Встретился мне на дороге человек, который переплатил софистам денег больше, чем все остальные вместе, — Каллий, сын Гиппоника; я и говорю ему (а у него двое сыновей): «Каллий! Если бы твои сыновья родились жеребятами или бычками, то нам следовало бы нанять для них воспитателя, который бы усовершенствовал присущую им породу, и человек этот был бы из наездников или земледельцев; ну а теперь, раз они люди, кого думаешь взять для них в воспитатели? Кто бы это мог быть знатоком подобной доблести, человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, приобретя сыновей? Есть ли таковой, спрашиваю, или нет?» «Конечно, — отвечает он, — есть». «Кто же это? — спрашиваю я. — Откуда он и сколько берет за обучение?» «Эвен, — отвечает он, — с Пароса, берет по пяти мин, Сократ». И благословил я этого Эвена, если правда, что он обладает таким искусством и так недорого берет за обучение. Я бы и сам чванился и гордился, если бы был искусен в этом деле; только ведь я в этом не искусен, о мужи афиняне!

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы? В самом деле, если бы сам ты не занимался чем-нибудь особенным, то и не говорили бы о тебе так много. Скажи нам, что это такое, чтобы нам зря не выдумывать». Вот это,

мне кажется, правильно, и я сам постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету. Слушайте же. И хотя бы кому-нибудь из вас показалось, что я шучу, будьте уверены, что я говорю сущую правду. Эту известность, о мужи афиняне, получил я не иным путем, как благодаря некоторой мудрости. Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость. Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр; а те, о которых я сейчас говорил, мудры или сверхчеловеческой мудростью, или уж не знаю, как и сказать; что же меня касается, то я, конечно, этой мудрости не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня. И вы не шумите, о мужи афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно; не свои слова буду я говорить, а сошлюсь на слова, для вас достоверные. Свидетелем моей мудрости, если только это мудрость, и того, в чем она состоит, я приведу вам бога, который в Дельфах. Ведь вы знаете Херефонта. Человек этот смолоду был и моим, и вашим приверженцем, разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всем, что бы ни затевал. Ну вот, приехав однажды в Дельфы, дерзнул он обратиться к оракулу с таким вопросом. Я вам сказал не шумите, о мужи! Вот он и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее меня, и Пифия ему ответила, что никого нет мудрее. И хотя сам он умер, но вот брат его засвидетельствует вам об этом.

Посмотрите теперь, зачем я это говорю: ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. Услыхав это, стал я размышлять сам с собою таким образом: что бы такое бог хотел сказать и что это он подразумевает? Потому что сам я, конечно, нимало не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать: не полагается ему это. Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что тут-то я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи афиняне, — так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидел то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие. Ну и после этого стал я уже ходить по порядку. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчался этим и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова бога необходимо ставить выше всего. Итак, чтобы понять, что означает изречение бога, мне казалось необходимым пойти ко всем, которые слывут знающими что-либо. И, клянусь собакой, о мужи афиняне, уж вам-то я должен говорить правду, что я поистине испытал нечто в таком роде: те, что пользуются самою большою славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, — более им одаренными. Но нужно мне рассказать вам о том, как я странствовал, точно я труд какой-то нес, и все это для того только, чтобы прорицание оказалось неопровергнутым. После государственных людей ходил я к поэтам, и к трагическим, и к дифирамбическим, и ко всем прочим, чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее, чем они. Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими отработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться от них кое-чему. Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Таким образом, и относительно поэтов вот что я узнал в короткое время: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какою-то прирожденною

способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят. Нечто подобное, как мне показалось, испытывают и поэты; и в то же время я заметил, что вследствие своего поэтического дарования они считали себя мудрейшими из людей и в остальных отношениях, чего на деле не было. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей.

Под конец уж пошел я к ремесленникам. Про себя я знал, что я попросту ничего не знаю, ну а уж про этих мне было известно, что я найду их знающими много хорошего. И в этом я не ошибся: в самом деле, они знали то, чего я не знал, и этим были мудрее меня. Но, о мужи афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и поэты: оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будучи ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.

Вот от этого самого исследования, о мужи афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели, притом как нельзя сильнее и глубже, отчего произошло и множество клевет, а с другой стороны, начали мне давать это название мудреца, потому что присутствующие каждый раз думают, что сам я мудр в том, относительно чего я отрицаю мудрость другого. А на самом деле, о мужи, мудрым-то оказывается бог, и этим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем для примера, все равно как если бы он говорил, что из вас, о люди, мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость. Ну и что меня касается, то я и теперь, обходя разные места, выискиваю и допытываюсь по слову бога, не покажется ли мне кто-нибудь из граждан или чужеземцев мудрым, и, как только мне это не кажется, спешу поддержать бога и показываю этому человеку, что он не мудр. И благодаря этой работе не было у меня досуга сделать что-нибудь достойное упоминания ни для города, ни для домашнего дела, но через эту службу богу пребываю я в крайней бедности.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, у которых всего больше досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь пытаться других; ну и я полагаю, что они находят многое множество таких, которые думают, что они что-то знают, а на деле ничего не знают или знают одни пустяки. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который развращает молодых людей. А когда спросят их, что он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, но, чтобы скрыть свое затруднение, говорят то, что вообще принято говорить обо всех любителях мудрости: он-де занимается тем, что в небесах и под землею, богов не признает, ложь выдает за истину. А сказать правду, думаю, им не очень-то хочется, потому что тогда оказалось бы, что они только делают вид, будто что-то знают, а на деле ничего не знают. Ну а так как они, думается мне, честолюбивы, могущественны и многочисленны и говорят обо мне согласно и убедительно, то и переполнили ваши уши, клевета на меня издавна и громко. От этого обрушились на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет, негодуя за поэтов, Анит — за ремесленников, а Ликон — за риторов. Так что я удивился бы, как говорил вначале, если бы оказался способным опровергнуть перед вами в столь малое время столь великую клевету. Вот вам, о мужи афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам без утайки, не умалчивая ни о важном, ни о пустяках. Хотя я, может быть, и знаю, что через это становлюсь ненавистным, но это и служит доказательством, что я сказал правду и что в этом-то и состоит клевета на меня и таковы именно ее причины. И когда бы вы ни стали исследовать это дело, теперь или потом, всегда вы найдете, что это так.

Критика новых обвинителей.

Итак, что касается первых моих обвинителей, этой моей защиты будет для вас достаточно; а теперь я постараюсь защищаться против Мелета, любящего, как он говорит, наш город, и против остальных обвинителей. Опять-таки, конечно, примем их обвинение за формальную присягу других обвинителей. Кажется, так: Сократ, говорят они, преступает закон тем, что развращает

молодых людей и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения. Таково именно обвинение: рассмотрим же каждое слово этого обвинения отдельно. Мелет говорит, что я преступаю закон, развращая молодых людей, а я, о мужи афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать это и вам.

—Ну вот. Мелет, скажи-ка ты мне: не правда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?

— Конечно.

—В таком случае скажи-ка ты вот этим людям, кто именно делает их лучшими? Очевидно, ты знаешь, коли заботаешься об этом. Развратителя ты нашел, как говоришь: привел сюда меня и обвиняешь; а назови-ка теперь того, кто делает их лучшими, напомни им, кто это. Вот видишь. Мелет, ты молчишь и не знаешь что сказать. И тебе не стыдно? И это не кажется тебе достаточным доказательством, что тебе нет до этого никакого дела? Однако, добрейший, говори же: кто делает их лучшими?

— Законы.

— Да не об этом я спрашиваю, любезнейший, а о том, кто эти люди, что прежде всего знают их, эти законы.

—А вот они, Сократ,— судьи.

—Что ты говоришь, Мелет! Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

— Как нельзя более.

— Все? Или одни способны, а другие нет?

- Все.

— Хорошо же ты говоришь, клянусь Герой, и какое множество людей, полезных для других! Ну а вот они, слушающие, делают юношей лучшими или же нет?

— И они тоже.

— А члены Совета?

—Да, и члены Совета.

—Но в таком случае, Мелет, не портят ли юношей те, что участвуют в Народном собрании? Или и те тоже, все до единого, делают их лучшими?

— И те тоже.

— По-видимому, кроме меня, все афиняне делают их добрыми и прекрасными, только я один порчу. Ты это хочешь сказать?

— Как раз это самое.

—Большое же ты мне, однако, приписываешь несчастье. Но ответь-ка мне: кажется ли тебе, что так же бывает и относительно лошадей, что улучшают их все, а портит кто-нибудь один? Или же совсем напротив, улучшать способен кто-нибудь один или очень немногие, именно знатоки верховой езды, а когда ухаживают за лошадьми и пользуются ими все, то портят их? Не бывает ли, Мелет, точно так же не только относительно лошадей, но и относительно всех других животных? Да уж само собою разумеется, согласны ли вы с Анитом на это или не согласны, потому что это было бы удивительное счастье для юношей, если бы их портил только один, с остальные же приносили бы им пользу. Впрочем, Мелет, ты достаточно показал, что никогда не заботился о юношах, и ясно обнаруживаешь свое равнодушие: тебе нет никакого дела до того самого, из-за чего ты привел меня в суд.

А вот, Мелет, скажи нам еще, ради Зевса: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Ну, друг, отвечай! Я ведь не спрашиваю ничего трудного. Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые — какого-нибудь добра?

— Конечно.

— Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получать от ближних вред, чем пользу? Отвечай, добрейший, ведь и закон повелевает отвечать. Существует ли кто-нибудь, кто желал бы получать вред?

— Конечно, нет.

— Ну вот. А привел ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?

— Который портит намеренно.

— Как же это так, Мелет? Ты, такой молодой, настолько мудрее меня, что тебе уже известно, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а добрые — добро, а я, такой старый, до того невежествен, что не знаю даже, что если я кого-нибудь из близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю, как ты утверждаешь! В этом я тебе не поверю, Мелет, да и никто другой, я думаю, не поверит. Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно; таким образом, у тебя-то выходит ложь в обоих случаях. Если же я порчу ненамеренно, то за такие невольные проступки не следует по закону приводить сюда, а следует, обратившись частным образом, учить и наставлять; потому, ясное дело, что, уразумевши, я перестану делать то, что делаю ненамеренно. Ты же меня избегал и не хотел научить, а привел меня сюда, куда по закону следует приводить тех, которые имеют нужду в наказании, а не в научении.

Но ведь это уже ясно, о мужи афиняне, что Мелету, как я говорил, никогда не было до этих вещей никакого дела; а все-таки ты нам скажи, Мелет, каким образом, по-твоему, порчу я юношей? Не ясно ли, по обвинению, которое ты против меня подал, что я порчу их тем, что учу не почитать богов, которых почитает город, а почитать другие, новые божественные знамения? Не это ли ты разумеешь, говоря, что своим учением я врежу? — Вот именно это самое.

— Так ради них, Мелет, ради этих богов, о которых теперь идет речь, скажи еще раз то же самое яснее и для меня, и для этих вот мужей. Дело в том, что я не могу понять, что ты хочешь сказать: то ли, что некоторых богов я учу признавать, а следовательно, и сам признаю богов, так что я не совсем безбожник и не в этом мое преступление, а только я учу признавать не тех богов, которых признает город, а других, и в этом-то ты меня и обвиняешь, что я признаю других богов: или же ты утверждаешь, что я вообще не признаю богов, и не только сам не признаю, но и других этому научаю.

— Вот именно, я говорю, что ты вообще не признаешь богов.

— Удивительный ты человек, Мелет! Зачем ты это говоришь? Значит, я не признаю богами ни Солнце, ни Луну, как признают прочие люди?

— Право же так, о мужи судьи, потому что он утверждает, что Солнце - камень, а Луна - земля.

— Берешься обвинять Анаксагора, друг Мелет, и так презираешь судей и считаешь их столь несведущими по части литературы! Ты думаешь, им неизвестно, что книги Анаксагора Клазоменского переполнены подобными мыслями? А молодые люди, оказывается, узнают это от меня, когда они могут узнать то же самое, заплативши за это в оркестре иной раз не больше драхмы, и потом смеяться над Сократом, если бы он приписывал эти мысли себе, к тому же еще столь нелепые! Но скажи, ради Зевса, так-таки я, по-твоему, никаких богов и не признаю?

— То есть вот ничутьнички!

— Это невероятно, Мелет, да, мне кажется, ты и сам этому не веришь. Что касается меня, о мужи афиняне, то мне кажется, что человек этот большой наглец и озорник и что он подал на меня эту жалобу просто по наглости и озорству да еще по молодости лет. Похоже, что он придумал загадку и пробует: заметит ли Сократ, наш мудрец, что я шучу и противоречу сам себе, или мне удастся провести и его, и прочих слушателей? Потому что мне кажется, что в своем обвинении он сам себе противоречит, все равно как если бы он сказал: Сократ нарушает закон тем, что не признает богов, а признает богов. Ведь это же шутка! Ну вот посмотрите, так ли он это говорит, как мне кажется. Ты, почтеннейший Мелет, отвечай нам, а вы помните, о чем я вас просил вначале, — не шуметь, если я буду говорить по-своему. Есть ли, Мелет, на свете такой человек, который дела бы людские признавал, а людей не признавал? Скажите ему, о мужи, чтобы он отвечал, а не шумел бы то и дело. Есть ли на свете кто-нибудь, кто бы лошадей не признавал, а все

лошадиное признавал бы? Или: флейтистов бы не признавал, а игру на флейте признавал бы? Не существует такого, любезнейший! Если ты не желаешь отвечать, то я сам буду говорить тебе, а также вот и им. Ну а уж на следующее ты должен сам ответить: есть ли на свете кто-нибудь, кто бы знамения божественные признавал, а гениев бы не признавал?

- Нет.

—Наконец-то! Как это хорошо, что они тебя заставили ответить! Итак, ты утверждаешь, что божественные знамения я признаю и научаю других признавать — новые или старые все равно, только уж самые-то божественные знамения признаю, как ты говоришь, и ты подтвердил это клятвою: а если я признаю божественные знамения, то мне уже никак невозможно не признавать гениев. Разве не так? Конечно, так. Принимаю, что ты согласен, если не отвечаешь. А не считаем ли мы гениев или богами, или детьми богов? Да или нет?

— Конечно, считаем.

—Итак, если гениев я признаю, как ты утверждаешь, а гении суть своего рода боги, то оно и выходит так, как я сказал, что ты шутишь и предлагаешь загадку, утверждая, что я не признаю богов и в то же время что я признаю богов, потому что гениев-то я по крайней мере признаю. А с другой стороны, если гении вроде как побочные дети богов, от нимф или каких-то еще существ, как это и принято думать, то какой же человек, признавая божьих детей, не будет признавать богов? Это было бы так же нелепо, как если бы кто-нибудь признавал, что существуют мулы — лошадиные и ослиные дети, а что существуют лошади и ослы, не признавал бы. Нет, Мелет, не может быть, чтобы ты подал это обвинение иначе, как желая испытать нас, или же ты недоумевал, в каком бы настоящем преступлении обвинить меня. А чтобы ты мог убедить кого-нибудь, у кого есть хоть немного ума, что один и тот же человек может и признавать и демоническое, и божественное и в то же время не признавать ни демонов, ни богов, это никоим образом невозможно.

Впрочем, о мужи афиняне, что я невиновен в том, в чем меня обвиняет Мелет, это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств, довольно будет и сказанного. А что у многих явилось против меня сильное ожесточение, о чем я и говорил вначале, это, будьте уверены, истинная правда. И если что погубит меня, так именно это; не Мелет и не Анит, а клевета и недоброжелательство многих — то, что погубило уже немало честных людей, думаю, что и еще погубит. Не думайте, что дело на мне остановится!

Сократ о самом себе.

Но пожалуй, кто-нибудь скажет: не стыдно ли тебе, Сократ, заниматься таким делом, от которого, может быть, тебе придется теперь умереть? А на это я по справедливости могу возразить: нехорошо ты это говоришь, мой милый, будто человеку, который приносит хотя бы малую пользу, следует принимать в расчет смерть, а не думать всегда лишь о том, делает ли он дела справедливые или несправедливые, дела доброго человека или злого. Плохими, по твоему рассуждению, окажутся все те полубоги, которые пали под Троей, в том числе и сын Фетиды, который из страха сделать что-нибудь постыдное до того презирал опасность, что, когда мать его, богиня, видя, что он горит желанием убить Гектора, сказала ему, помнится, так: «Дитя мое, если ты отомстишь за убийство друга твоего Патрокла и убьешь Гектора, то сам умрешь: «Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован», - он, услышав это, не посмотрел на смерть и опасность, а гораздо больше убоился оставаться в живых, будучи трусом и не мстя за друзей. «Умереть бы,— говорит он,— мне тотчас, покарав обидчика, только бы не оставаться еще здесь, у кораблей дуговидных, посмешимся для народа и бременем для земли». Кажется ли тебе, что он подумал при этом о смерти и об опасности? Вот оно как бывает поистине, о мужи афиняне: где кто поставил себя, думая, что для него это самое лучшее место, или же поставлен начальником, там и должен переносить опасность, не принимая в расчет ничего, кроме позора,— ни смерти, ни еще чего-нибудь.

Было бы ужасно, о мужи афиняне, если бы, после того как я оставался в строю, как и всякий другой, и подвергался опасности умереть тогда, когда меня ставили начальники, вами выбранные для начальства надо мною, - под Потидеей, Амфиполем и Делием, - если бы теперь, когда меня поставил сам бог, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого

себя и других, если бы теперь я испугался смерти или еще чего-нибудь и бежал из строя; это было бы ужасно, и тогда в самом деле можно было бы по справедливости судить меня за то, что я не признаю богов, так как не слушаюсь оракула, боюсь смерти и считаю себя мудрым, не будучи таковым, потому что бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество — думать, что знаешь то, чего не знаешь? Что же меня касается, о мужи, то, пожалуй, я и тут отличаюсь от большинства людей только одним: если я кому-нибудь и кажусь мудрее других, то разве только тем, что, недостаточно зная об Аиде, так и думаю, что не знаю. А что нарушать закон и не слушаться того, кто лучше меня, будь это бог или человек, нехорошо и постыдно — это вот я знаю. Никогда поэтому не буду я бояться и избегать того, что может оказаться и благом, более, чем того, что наверное есть зло. Так что если бы вы меня отпустили, не поверив Аниту, который сказал, что или мне вообще не следовало приходить сюда, а уж если пришел, то невозможно не казнить меня, и внушал вам, что если я уйду от наказания, то сыновья ваши, занимаясь тем, чему учит Сократ, развратятся уже вконец все до единого, — даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть, — так вот, говорю я, если бы вы меня отпустили на этом условии, то я бы вам сказал: «Желать вам всякого добра — я желаю, о мужи афиняне, и люблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: о лучший из мужей, гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботаешься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, не заботаешься и не помышляешь?» И если кто из вас станет возражать и утверждать, что он об этом заботится, то я не оставлю его и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, пытаться, опровергать и, если мне покажется, что в нем нет доблести, а он только говорит, что есть, буду попрекать его за то, что он самое дорогое не ценит ни во что, а плохое ценит дороже всего. Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами, с вами особенно, потому что вы мне ближе по крови. Могу вас уверить, что так велит бог, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше, говоря вам: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной. Да, если бы такими словами я развращал юношей, то слова эти были бы вредными. А кто утверждает, что я говорю что-нибудь другое, а не это, тот несет вздор. Вот почему я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет — поступать с иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз. Не шумите, мужи афиняне, исполните мою просьбу — не шуметь по поводу того, что я говорю, а слушать; слушать вам будет полезно, как я думаю. Я намерен сказать вам и еще кое-что, от чего вы, наверное, пожелаете кричать, только вы никоим образом этого не делайте. Будьте уверены, что если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне. Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита, да они и не могут мне повредить, потому что я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить лучшему. Разумеется, он может убить, изгнать из отечества, отнять все права. Но ведь это он или еще кто-нибудь считает все подобное за великое зло, а я не считаю; гораздо же скорее считаю я злом именно то, что он теперь делает, замышляя несправедливо осудить человека на смерть. Таким образом, о мужи афиняне, я защищаюсь теперь совсем не ради себя, как это может казаться, а ради вас, чтобы вам, осудивши меня на смерть, не проглядеть дара, который вы получили от бога. В самом деле, если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся

в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. Другого такого вам нелегко будет найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если вы мне поверите. Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне, если только бог, жалея вас, не пошлет вам еще кого-нибудь. А что я такой как будто бы дан городу богом, это вы можете усмотреть вот из чего: похоже ли на что-нибудь человеческое, что я забросил все свои собственные дела и сколько уже лет терпеливо переношу упадок домашнего хозяйства, а вашим делом занимаюсь всегда, обращаясь к каждому частным образом, как отец или старший брат, и убеждая заботиться о добродетели. И если бы я от этого пользовался чем-нибудь и получал бы плату за эти наставления, тогда бы еще был у меня какой-нибудь расчет, а то сами вы теперь видите, что мои обвинители, которые так бесстыдно обвиняли меня во всем прочем, тут по крайней мере оказались неспособными к бесстыдству и не представили свидетеля, который с показал бы, что я когда-либо получал какую-нибудь плату или требовал ее; потому, думаю, что я могу представить верного свидетеля того, что я говорю правду, — мою бедность.

Может в таком случае показаться странным, что я подаю эти советы частным образом, обходя всех и во все вмешиваясь, а выступать всенародно в вашем собрании и давать советы городу не решаюсь. Причина этому та самая, о которой вы часто и повсюду от меня слышали, а именно что мне бывает какое-то чудесное божественное знамение; ведь над этим и Мелет посмеялся в своей жалобе. Началось у меня это с детства: вдруг — какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и не допускает меня заниматься государственными делами.

И кажется, прекрасно делает, что не допускает. Будьте уверены, о мужи афиняне, что если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб и не принес бы пользы ни себе, ни вам. И вы на меня не сердитесь, если я вам скажу правду: нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве. Нет, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен.

Доказательства этого я вам представлю самые веские, не рассуждения, а то, что вы цените дороже, — дела. Итак, выслушайте, что со мною случилось, и тогда вы увидите, что я и под страхом смерти никого не могу послушаться вопреки справедливости, а не слушаясь, могу от этого погибнуть. То, что я намерен вам рассказать, досадно и скучно слушать, зато это истинная правда. Никогда, афиняне, не занимал я в городе никакой другой должности, но в Совете я был. И пришла нашей филе Антиохиде очередь заседать в то время, когда вы желали судить огулом десятерых стратегов, которые не подобрали пострадавших в морском сражении, — судить незаконно, как вы сами признали это впоследствии. Тогда я, единственный из пританов, восстал против нарушения закона, и в то время, когда ораторы готовы были обвинить меня и посадить в тюрьму и вы сами этого требовали и кричали, — в то время я думал, с что мне скорее следует, несмотря на опасность, стоять на стороне закона и справедливости, нежели из страха перед тюрьмой или смертью быть заодно с вами, желающими несправедливого. Это еще было тогда, когда город управлялся народом, а когда наступила олигархия, то и Тридцать в свою очередь призвали меня и еще четверых граждан в Круглую палату и велели нам привезти из Саламина саламинца Леонта, чтобы казнить его. Многое в этом роде приказывали они делать и многим другим, желая отыскать как можно больше виновных.

Только и на этот раз опять я доказал не словами, а делом, что для меня смерть, если не грубо так выразиться, — самое пустое дело, а вот воздерживаться от всего незаконного и безбожного — это для меня самое важное.

Таким образом, как ни могущественно было это правительство, а меня оно не испугало настолько, чтобы заставить сделать что-нибудь несправедливое, но, когда вышли мы из Круглой палаты, четверо из нас отправились в Саламин и привезли Леонта, а я отправился домой. И по всей

вероятности, мне пришлось бы за это умереть, если бы правительство не распалось в самом скором времени. И всему этому у вас найдется много свидетелей.

Кажется ли вам после этого, что я мог бы прожить столько лет, если бы занимался общественными делами, занимался бы притом достойно порядочного человека, спешил бы на помощь к правым и считал бы это самым важным, как оно и следует? Никоим образом, о мужи афиняне! И никому другому это не возможно. А я всю жизнь оставался таким, как в общественных делах, насколько в них участвовал, так и в частных, никогда и ни с кем не соглашаясь вопреки справедливости, ни с теми, которых клеветники мои называют моими учениками, ни еще с кем-нибудь. Да я и не был никогда ничьим учителем, а если кто, молодой или старый, желал меня слушать и видеть, как я делаю свое дело, то я никому никогда не препятствовал. И не то чтобы я, получая деньги, вел беседы, а не получая, не вел, но одинаково как богатому, так и бедному позволяю я меня спрашивать, а если кто хочет, то и отвечать мне и слушать то, что я говорю. И за то, хороши ли эти люди или дурны, я по справедливости не могу отвечать, потому что никого из них никогда никакой науке я не учил и не обещал научить. Если же кто-нибудь утверждает, что он частным образом научился от меня чему-нибудь или слышал от меня что-нибудь, чего бы не слышали и все прочие, тот, будьте уверены, говорит неправду.

Но отчего же некоторые любят подолгу бывать со мною? Слышали вы это, о мужи афиняне; сам я вам сказал всю правду: потому что они любят слушать, как я пытаю тех, которые считают себя мудрыми, не будучи таковыми. Это ведь не лишено удовольствия. А делать это, говорю я, поручено мне богом и через прорицания, и в сновидениях, вообще всякими способами, какими когда-либо еще обнаруживалось божественное определение и поручалось человеку делать что-нибудь. Это не только верно, афиняне, но и легко доказуемо. В самом деле, если одних юношей я развращаю, а других уже развратил, то ведь те из них, которые уже состарились и узнали, что когда-то, во время их молодости, я советовал им что-то дурное, должны были бы теперь прийти мстить мне и обвинять меня. А если сами они не захотели, то кто-нибудь из их домашних, отцы, братья, другие родственники, если бы только их близкие потерпели от меня что-нибудь дурное, вспомнили бы теперь об этом. Да уж, конечно, многие из них тут, как я вижу: ну вот, во-первых, Критон, мой сверстник и из одного со мною дема, отец вот его, Критобула; затем сфеттиец Лисаний, отец вот его, Эсхина; еще кефисиец Антифон, отец Эпигена, а еще вот братья тех, которые ходили за мною, — Никострат, сын Феозотида и брат Феодота; самого Феодота уже нет в живых, так что он по крайней мере не мог упросить брата, чтобы он не говорил против меня; вот и Парал, Демодоков сын, которому Феаг приходился братом; а вот Адимант, Аристонов сын, которому вот он, Платон, приходится братом, и Эантодор, брат вот этого, Аполлодора. Я могу назвать еще многих других, и Мелету в его речи всего нужнее было выставить кого-нибудь из них как свидетеля; а если тогда он забыл это сделать, то пусть сделает теперь, я ему разрешаю, и, если он может заявить что-нибудь такое, пусть говорит. Но вы увидите совсем противоположное. о мужи, увидите, что все готовы броситься на помощь ко мне, к тому развратителю, который делает зло их домашним, как утверждают Мелет и Анит. У самих развращенных, пожалуй, еще может быть основание защищать меня, но у их родных, которые не развращены, у людей уже старых, какое может быть другое основание защищать меня, кроме прямой и справедливой уверенности, что Мелет лжет, а я говорю правду.

Но об этом довольно, о мужи! Вот приблизительно то, что я могу так или иначе привести в свое оправдание. Возможно, что кто-нибудь из вас рассердится, вспомнив о себе самом, как сам он, хотя дело его было и не так важно, как мое, упрашивал и умолял судей с обильными слезами и, чтобы разжалобить их как можно больше, приводил своих детей и множество других родных и друзей, а вот я ничего такого делать не намерен, хотя подвергаюсь, как оно может казаться, самой крайней опасности. Так вот возможно, что, подумав об этом, кто-нибудь не сочтет уже нужным стесняться со мною и, рассердившись, подаст в сердцах свой голос. Думает ли так кто-нибудь из вас в самом деле, я этого не утверждаю; а если думает, то мне кажется, что я отвечу ему правильно, если скажу: есть и у меня, любезнейший, кое-какие родные: тоже ведь и я, как говорится у Гомера, не от дуба родился и не от скалы, а произошел от людей; есть у меня и родные, есть и сыновья, о мужи афиняне, целых трое, один уже взрослый, а двое — младенцы; тем

не менее ни одного из них не приведу я сюда и не буду просить вас о помиловании. Почему же, однако, не намерен я ничего этого делать? Не по презрению к вам, о мужи афиняне, и не потому, что я бы не желал вас уважить. Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы теперь оставим, но для чести моей и вашей, для чести всего города, мне кажется, было бы нехорошо, если бы я стал делать что-нибудь такое в мои года и при том прозвище, которое мне дано, верно оно или неверно — все равно. Как-никак, а ведь принято все-таки думать, что Сократ отличается кое-чем от большинства людей; а если так будут вести себя те из вас, которые, по-видимому, отличаются или мудростью, или мужеством, или еще какою-нибудь доблестью, то это будет позорно. Мне не раз приходилось видеть, как люди, казалось бы, почтенные проделывали во время суда над ними удивительные вещи, как будто они думали, что им предстоит испытать что-то ужасное, если они умрут; можно было подумать, что они стали бы бессмертными, если бы вы их не убили! Мне кажется, эти люди позорят город, так что и какой-нибудь чужеземец может заподозрить, что у афинян люди, которые отличаются доблестью и которых они сами выбирают на главные государственные и прочие почетные должности, ничем не отличаются от женщин. Так вот, о мужи афиняне, не только нам, людям как бы то ни было почтенным, не следует этого делать, но и вам не следует этого позволять, если мы станем это делать, — напротив, вам нужно делать вид, что вы гораздо скорее признаете виновным того, кто устраивает эти слезные представления и навлекает насмешки над городом, нежели того, кто ведет себя спокойно.

Не говоря уже о чести, мне кажется, что это и неправильно, о мужи, — просить судью и избегать наказания просьбою, вместо того чтобы разьяснить дело и убеждать. Ведь судья посажен не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить суд; и присягал он не в том, что будет миловать кого захочет, но в том, что будет судить по законам. А потому и нам не следует приучать вас нарушать присягу, и вам не следует к этому приучаться, а иначе мы можем с вами одинаково впасть в нечестие. Так уж вы мне не говорите, о мужи афиняне, будто я должен проделывать перед вами то, чего я и так не считаю ни хорошим, ни правильным, ни согласным с волею богов, да еще проделывать это теперь, когда вот он. Мелет, обвиняет меня в нечестии. Ибо очевидно, что если бы я вас уговаривал и вынуждал бы свою просьбою нарушить присягу, то научал бы вас думать, что богов не существует, и, вместо того чтобы защищаться, попросту сам бы обвинял себя в том, что не почитаю богов. Но на деле оно совсем иначе; почитаю я их, о мужи афиняне, больше, чем кто-либо из моих обвинителей, и предоставляю вам и богу рассудить меня так, как будет всего лучше и для меня, и для вас.

После обвинительного приговора

Многое, о мужи афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что сейчас случилось, тем, что вы меня осудили, между прочим и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той и на другой стороне. Что меня касается, то ведь я и не думал, что буду осужден столь малым числом голосов, я думал, что буду осужден большим числом голосов. Теперь же, как мне кажется, перепади тридцать один камешек с одной стороны на другую, и я был бы оправдан. Ну а от Мелета, по-моему, я и теперь ушел; да не только ушел, а еще вот что очевидно для всякого: если бы Анит и Ликон не пришли сюда, чтобы обвинять меня, то он был бы принужден уплатить тысячу драхм как не получивший пятой части голосов.

Ну а наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи афиняне, должен я положить себе сам? Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же? Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя, за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе, считая себя, право же, слишком порядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своем раньше, чем о себе самом, — как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же

образом. Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается с о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю — даровой обед в Пританее.

Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленапреклонениями; но это не так, афиняне, а скорее дело вот в чем: сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом; в самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких; а теперь не так-то это легко — в малое время снимать с себя великие клеветы. Ну так вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно? Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это — зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом Одиннадцати, постоянно меняющейся власти?

Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить. В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? Никким образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь — уйти па старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же.

В таком случае кто-нибудь может сказать: «Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?» Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться бога, а что, не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, - если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, по ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину серебра: ну столько и назначаю. А вот они, о мужи афиняне,— Платон, Критон, Критобул, Аполлодор — велят мне назначить тридцать мин, а поручительство берут на себя; ну так назначаю тридцать, а поручители в уплате денег будут у вас надежные.

После смертного приговора

Немного не захотели вы подождать, о мужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас

само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить всё, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное — все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее — уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные,— тем, что идет проворнее,— нравственную порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они — при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать,— когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей — тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.

А с теми, которые меня оправдали, я бы охотно побеседовал о самом этом происшествии, пока архонты заняты своим делом, и мне нельзя еще идти туда, где я должен умереть. Побудьте пока со мною, о мужи! Ничто не мешает нам поболтать друг с другом, пока есть время. Вам, друзьям моим, я хочу показать, что, собственно, означает теперешнее происшествие. Со мною, о мужи судьи,— вас-то я по справедливости могу называть судьями - случилось что-то удивительное. В самом деле, в течение всего прошлого времени обычный для меня вещий голос слышался мне постоянно и останавливал меня в самых неважных случаях, когда я намеревался сделать что-нибудь не так; а вот теперь, как вы сами видите, со мною случилось то, что может показаться величайшим из зол, по крайней мере так принято думать; тем не менее, божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил в суд, ни во время всей речи, что бы я ни хотел сказать. Ведь прежде-то, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня среди слова, а теперь во всем этом деле ни разу оно не удержало меня от какого-нибудь поступка, от какого-нибудь слова. Как же мне это понимать? А вот я вам скажу: похоже, в самом деле, что все это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло. Этому с у меня теперь есть великое доказательство, потому что быть этого не может, чтобы не остановило меня обычное знамение, если бы то, что я намерен был сделать, не было благом.

А рассудим-ка еще вот как — велика ли надежда, что смерть есть благо? Умереть, говоря по правде, значит одно из двух: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не

испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было, или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место, если верить тому, что об этом говорят. И если бы это было отсутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда а спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением. Мне думается, в самом деле, что если бы кто-нибудь должен был взять ту ночь, в которую он спал так, что даже не видел сна, сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, то, я думаю, не только всякий простой человек, но и сам Великий царь " нашел бы, что сосчитать такие дни и ночи сравнительно с остальными ничего не стоит. Так если смерть такова, я со своей стороны назову ее приобретением, потому что таким-то образом выходит, что вся жизнь ничем не лучше одной ночи. С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и если правду говорят, будто бы там все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, о мужи судьи? В самом деле, если прибудешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, — Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема, и всех тех полубогов, которые в своей жизни отличались справедливостью, - разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером! Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести там беседы, если бы я встретился. например, с Паламедом и Теламоновым сыном Аяксом или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою несправедливого суда, и мне думается, что сравнивать мою судьбу с их было бы не неприятно. И наконец, самое главное — это проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр: чего не дал бы всякий, о мужи судьи, чтобы узнать доподлинно человека, который привел великую рать под Трою, или узнать Одиссея, Сисифа и множество других мужей и жен, которых распознавать, с которыми беседовать и жить вместе было бы несказанным блаженством. Не может быть никакого сомнения, что уж там-то за это не убивают, потому что помимо всего прочего тамошние люди блаженнее здешних еще и тем, что остаются все время бессмертными, если верно то, что об этом говорят.

Но и вам, о мужи судьи, не следует ожидать ничего дурного от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах; тоже вот и моя судьба устроилась не сама собою, напротив, для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и освободиться от хлопот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам не очень-то пеняю на тех, кто приговорил меня к наказанию, и на моих обвинителей. Положим, что они выносили приговор и обвиняли меня не по такому соображению, а думая мне повредить; это в них заслуживает порицания. А все-таки я обращаюсь к ним с такою маленькою просьбой: если, о мужи, вам будет казаться, что мои сыновья, сделавшись взрослыми, больше заботятся о деньгах или еще о чем-нибудь, чем о доблести, отомстите им за это, преследуя их тем же самым, чем и я вас преследовал: и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и воображают о себе невесть что, между тем как на самом деле ничтожны. И, делая это, вы накажете по справедливости не только моих сыновей, но и меня самого. Но вот уже время идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога.

Форма контроля: защита реферат

Тема 1.2

Практическая работа №2

Философия древнего мира и средневековая философия

«Философские школы и учение о первоначалах»

Цель: - изучить философские школы и учение о первоначалах.

В результате изучения темы студент должен:

Знать- античную философии и философские школы Древней Греции, Древнего Рима

Уметь- систематизировать знания и заполнить таблицу по образцу

Направление, школа	Философ	Основные труды	Основные проблемы	Сущность главной идеи
Милетская школа	Фалес, (625 – 547 гг. до н.э.)	“О началах”, “О солнцестоянии”, “О равенстве”, “Морская астрология” или “Астрономия”.	Онтология, вопрос о субстанции, первоначале всего.	1) Начало всех вещей — вода. Вода есть начало онтологическое, т.е. тот элемент, та субстанция, которая лежит в основе всех вещей. 2) «Все полно богов»: душа — это двигательное начало, она есть не только у живых, но и у вещей. Поэтому одушевлена вся вселенная. Бог — это ум космоса, и космос — прекраснее всего, ибо он — творение бога.
Милетская школа	Анаксимандр, (610 – 546 гг. до н.э.)			
Милетская школа	Анаксимен, (585 – 528 г. до н.э.)			
Эфесская школа	Гераклит, (520 – 460 гг. до н.э.)			
Пифагорейская школа	Пифагор, (ок. 570 – ок. 500 гг. до н.э.)			
Элейская школа	Парменид, (2-я пол. 6-го – нач. 5 вв. до н.э.)			
Элейская школа	Зенон, (ок. 490 – ок. 430 гг. до н.э.)			
Атомизм	Демокрит, (ок. 460 – 370 гг. до н.э.)			
Софистика	Протагор, (480 – 410 гг. до н.э.)			
Афинская школа	Сократ, (470 – 399 гг. до н.э.)			

Афинская школа	Платон, (427 – 347 гг. до н.э.)			
Афинская школа	Аристотель, (384 – 322 гг. до н.э.)			

Практическая работа №3
Философия Возрождения и Нового времени.
Основные философские системы XVIII-XIX вв

Практическое занятие "Особенности философии эпохи Возрождения и Нового времени "
 Форма: тестовое задание

Инструкция

Уважаемый студент, вам предстоит письменно ответить на вопросы тестового задания. Необходимо внимательно прочитать вопрос и выбрать один из предложенных вариантов ответа. Помните, что время выполнения задания ограничено и регламентируется преподавателем.

1. Основная мировоззренческая установка эпохи Возрождения ...

- а) атеизм;
- б) деизм;
- в) пантеизм;
- г) теизм.

2. Впишите пропущенное слово в выражение:

«Освобождение мировоззрения и практической деятельности людей от влияния религии и церковных институтов называется _____».

3. Установите соответствие:

Автор

Произведение

а) Т. Мор

1) «Похвала глупости»

б) Ш. Монтень

2) «Божественная комедия»

в) А. Данте

3) «Утопия»

г) Э. Роттердамский

4) «Опыты»

4. Ярчайший представитель возрожденческой науки Леонардо да Винчи считал, что основным союзником науки является опыт. Определите его гносеологическую установку. Это ...

- а) рационализм;
- б) эмпиризм;
- в) мистицизм;
- г) сенсуализм.

5. Не является представителем эпохи Возрождения...

- а) Фичино;
- б) Дамиани;
- в) Петрарка;
- г) Пико делла Мирандола.

7. Установите соответствие:

Мировоззренческая позиция

Автор

- а) Деизм
- 1) Кузанский
- б) Пантеизм
- 2) Галилей
- в) Теоцентризм
- 3) Августин

8. Социальную теорию Т. Мора можно оценить как ...

- а) реалистическую;
- б) утопическую;
- в) христианско-гуманистическую.

9. Истинным мерилom нравственности Д. Бруно утверждал ...

- а) религию и веру;
- б) человеческое «Я»;
- в) принцип «Не вреди»;
- г) деятельность человека и его земные цели.

10. Основной тенденцией в мышлении, идеологии и культуре Ренессанса являлся...

- а) переход от теоцентрического понимания мира к антропоцентрическому;
- б) борьба против антропоцентризма;
- в) стремление к мирному сосуществованию со средневековым теократизмом.

11. Философы Нового времени, по преимуществу, размышляли над проблемами...

- а) онтологии;
- б) гносеологии;
- в) аксиологии;
- г) антропологии.

12. Учение об «идолах» (призраках), которые «осаждают умы людей», создал ...

- а) Локк;
- б) Бэкон;
- в) Спиноза;
- г) Лейбниц.

13. Проблема научного метода является главной в философии ...

- а) Древней Греции;
- б) Средневековья;
- в) Нового времени;
- г) Возрождения.

14. Субстанцией в философии Г. Лейбница выступает

- а) материя;
- б) монада;
- в) ощущение;
- г) тело.

15. «Свобода есть познанная необходимость" - позиция, принадлежащая...

- а) Спинозе;

- б) Августи́ну;
- в) Лейбни́цу;
- г) Беркли.

16. У истоков философско-политического учения об «общественном договоре» стоял:

- а) Локк;
- б) Гоббс;
- в) Декарт;
- г) Спиноза.

17. Установите соответствие:

Автор

Произведение

- а) Декарт
- 1) «Опыт о человеческом разуме»
- б) Локк
- 2) «Новая Атлантида»
- в) Бэкон
- 3) «Правило для руководства ума»
- г) Спиноза
- 4) «Этика»

18. Высказывание: «Существовать – значит быть воспринимаемым» выражает суть..

- а) материализма;
- б) объективного идеализма;
- в) субъективного идеализма;
- г) мистицизма.

19. Д. Локку принадлежит афоризм:

- а) «Человек человеку - Бог»;
- б) «Человек человеку - волк»;
- в) «Человек человеку - друг»;
- г) «Человек человеку - брат».

Практическая работа №4

Учение о бытии и теория познания

«Неординарное мышление и поведение».

Цель: изучить теоретический материал о неординарности поведения и мышления

В результате изучения темы студент должен:

Знать- творчество Френсиса Бэкона, проблему влияния мыслительных стереотипов на творческий процесс .

Уметь –выделять главное опираясь на теоретический материал, творчески мыслить.

Теоретический материал

Проблема влияния мыслительных стереотипов на творческий процесс волновала еще философа Френсиса Бэкона в XVII веке, который относил к проявлениям психологической инерции следующее:

- непоколебимую веру в привычное, предпочтительное, выгодное и легкодоступное для ума;
- слишком большую убежденность в собственной правоте;
- толкование новых явлений по прежним устаревшим шаблонам;
- восприятие изменяющихся явлений как постоянных;
- поспешные выводы и обобщения по случайному признаку, а не по существенному, и желание объяснить любой процесс с точки зрения банальных поверхностных аналогий;

- преувеличение однообразия ("стрижка под одну гребенку");
- склонность подвергаться влиянию положительных фактов и неумение делать выводов из отрицательных;
- получение удовлетворения от подтверждения старых фактов, в отличие от их опровержения, которое не дарит человеку такого удовольствия;
- слепую веру в прежние авторитеты

Крылатые выражения о неординарности

Главное не то большое, до чего додумались другие, но то малое, к чему ты пришел сам.

- Х. Мураками -

Поэзия непременно требует новизны, и ничего для нее нет убийственной повторения.

- А. Фет -

Великие возможности приходят ко всем, но многие даже не знают, что встретились с ними.

- У. Ченнинг -

Необыкновенные личности делают честь человеческому уму, но не определяют правил его бытия.

- Франсуа Рене де Шатобриан -

Что такое неординарность

Неординарность – это качество характера, поведения или внешнего вида, присущее некоторым людям из общей массы населения планеты, в большинстве случаев обладающих способностями, отличающими их от всех остальных.

Студент-ботаник / www.ymniki.ru

Неординарность – это оригинальность и самобытность.

Неординарность – это способность удивлять и порой даже шокировать.

Неординарность – это созвездие качеств, которые выделяют из общей массы.

Неординарность – это способность быть «не таким, как все».

Неординарность – это взаимодействие интуиции и разума, природной одаренности и приобретенных навыков, сознательного и бессознательного.

Неординарность человека проявляется во всем – в мышлении, своеобразном видении мира, поступках, но главным образом, конечно же, в творчестве.

Преимущества неординарности

Обладая незаурядными данными, мы имеем возможность выделяться из серой массы.

Неординарность и неформальное мышление привлекают к человеку и его деятельности более пристальное внимание.

Неординарные поступки и мысли зачастую дают толчок не только к личному, но и общественному прогрессу.

Неординарность в искусстве рождает новые стили и жанры, тем самым давая ему возможность выходить на новые уровни развития.

Неординарная личность всегда является интересным рассказчиком, собеседником, а значит, в меньшей степени рискует остаться без интереса и внимания к себе.

То, что сегодня кажется многим неординарностью – завтра становится обыденностью. Лишь истинно неординарная личность остается таковой, невзирая на изменения окружающей действительности.

В целом талант и неординарность дают возможность занять достойное место в жизни.

Проявления неординарности в повседневной жизни

Неординарность мышления проявляется в творчестве: чем более нетрадиционно мыслит человек, тем более яркие рождаются у него идеи.

Неординарный подход делает многие дизайнерские решения потенциальными трендами, неординарность в дизайне дает возможность выражать свое видение в особенном стиле и отличаться на фоне устоявшихся течений и модных веяний.

Изобретатель создает что-то новое лишь благодаря неординарности, умению увидеть что-то не так, как все. Именно такое видение и позволяет появляться на свет лучшим и крайне необходимым человечеству изобретениям.

Политика. Незаурядные личности творят историю и навсегда остаются в ней.

Как развить неординарность

Стремление к самореализации – одно из основных у творческих и неординарных людей.

Неординарные способности, скорее всего, есть в каждом из нас. Просто в ком-то они глубоко скрыты, а кто-то смог рассмотреть их, прочувствовать и воспользоваться ими.

Поищите ту сферу, которая наиболее близка вам, в которой вы чувствуете определенную одаренность, талант.

Постарайтесь проанализировать, что вам дается проще, что вы делали бы с огромным удовольствием. Может быть, вам нравится мять бумагу, как это нравится французской художнице Andrea-Anne Dupuis-Bourret. А возможно, вы любите скорость так же сильно, как британский каскадер и изобретатель неординарной техники Колин Ферц.

Расширьте свой круг общения. Пускай в него войдут люди, у которых вы сможете многому научиться, а главное – анализируйте, что вы могли бы сделать так же, как они, а что намного лучше, необычнее.

Постоянно работайте над своим воображением и способом мышления, старайтесь рождать новые идеи. Не забывая, впрочем, о том, что нереализованная идея равна ее полному отсутствию.

Развивайте критическое мышление, смотрите на мир "другими" глазами. Делитесь своими наблюдениями и идеями с окружающими.

Алгоритм действий

1 Прочитайте внимательно текст и, используя дополнительную литературу, напишите доклад о неординарности мышления и поведения.

Форма контроля : доклад

Практическая работа №5

Этика и социальная философия

«Россия в эпоху глобализации»

Цель: Расширить и углубить знания студентов о роли России в эпоху глобализации. Обогащать знания студентов философскими понятиями, позволяющими лучше осмыслить современные реалии;

Знать- теоретический материал по «Основы философии»

Уметь - умение использовать ранее изученный материал при анализе новых явлений и процессов.

Алгоритм работы над темой

1.Повторить теоретический материал.

2 Напишите эссе, используя следующую информацию:

«Россия в эпоху глобализации»

Политологи и экономисты считают, что Россия в мировой процесс глобализации стала активно входить в 90-е годы прошлого века, когда не стало «железного занавеса» и Советского Союза. Глобализация же – процесс формирования единого общемирового культурного, экономического, политического, информационного пространства. Происходит это путем интеграции национальных систем. Немалую роль играют компьютерные и прочие новейшие информационные технологии – они активно «помогают» глобализации, она «держится» на них.

До указанного времени, то есть до начала 90-х годов, глобальные процессы в стране тормозились политикой определенной степени изоляционизма. Толчок к поддержке глобализации пришел со сменой системы плановой экономики экономикой рыночной.

Вхождение России в процесс глобализации непрерывно чередует этапы закрытости, то есть изоляции стран от глобальных процессов, и этапы открытости, поддержки глобализации.

Сегодняшний день – это время поддержки глобализации.

Глобализация фактически формирует единую планетарную культуру, даже планетарную цивилизацию, которая станет будущим наших потомков. Вследствие ее формируется единое бизнес-пространство, налаживается обмен культурными ценностями, методиками управления. Квалифицированная рабочая сила также способна перемещаться в глобальном мире без особых препятствий от одной страны к другой.

Однако не зря считается, что глобализация – противоречие современного мира. Об этом в своей работе «Насилие глобализации» говорит современный французский философ Жан Бодрийяр. В

глобальном мире исчезают уникальные культуры, утрачиваются самобытные культурные ценности. И российские реалии исключением не стали. Экономическая глобализация предусматривает образование всемирной среды вложения инвестиций. Однако многие регионы России так и не увидели инвестиций как своих соотечественников, так и иностранных кредиторов по причине высокого страхового риска этих вложений. В то время как российские бизнесмены эти вложения сделали, но в других странах.

В сегодняшних условиях Россия также столкнулась со следующими «перекосами». На сегодня глобализация заметно коснулась столичного региона, но почти не повлияла на жизнь периферии. Экспорт России на мировой рынок продолжает оставаться в основном сырьевым. Также один из негативных аспектов глобализации – это потеря одаренной молодежи из-за финансовых неурядиц в оплате труда, «утечка» за рубеж образованных специалистов разных сфер, отъезд за границу подготовленных на базе отечественного образования ценных специалистов.

Хозяйственная деятельность России ведется в условиях самого холодного климата в мире, это обуславливает энергоемкость производства и большие затраты на питание населения. Поэтому можно сделать вывод, что глобализация в России проходит в особых условиях, отличных от процессов в других странах. И примеры других стран не всегда вписываются в реальные российские схемы.

Форма контроля: эссе

Практическая работа №6

Место философии в духовной культуре и её значение

«Философия и смысл жизни»

Цель: Расширить и углубить знания студентов о философии и её месте в духовной культуре, а так же её роли в жизни человека. Обогащать знания студентов философскими понятиями, позволяющими лучше осмыслить место философии в культуре;

Знать- теоретический материал по «Основы философии»

Уметь - умение использовать ранее изученный материал при анализе новых явлений и процессов.

Алгоритм работы над темой

1.Повторить теоретический материал.

2 Напишите эссе, используя следующую информацию:

Человек единственное существо, которое осознает свою смертность и может делать ее предметом обсуждения. Призвание, назначение, задача всякого человека всесторонне развивать все свои способности, внести свой личный вклад в историю, в прогресс общества, его культуры смысл жизни общества. Смысл жизни заключен в самой жизни, в ее вечном движении как становлении самого человека Смерть страшна для тех, кто не видит, как бессмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думает, что он не умрет. Человек умер, но его отношение к миру продолжает действовать на людей, даже не так как при жизни.

Смысл жизни – это осознаваемая ценность, которой человек подчиняет свою жизнь, ради чего ставит и осуществляет жизненные цели. Вопрос о смысле жизни это вопрос о смысле смерти человека и о его бессмертии. Если человек не оставил после своей жизни тени, значит его жизнь по отношению к вечности была лишь призрачной. Понять смысл жизни определить свое место в вечном потоке изменений.

Вопрос о смысле жизни, так или иначе, встает перед каждым человеком — если он хоть сколько-нибудь сложился как человек. Обычно подобные вопросы приходят в ранней юности, когда вновь созданный человек должен занять свое место в жизни — и стремится найти его. Но бывает, что о смысле жизни приходится думать и в старости, и в предсмертном состоянии. Не всегда легко это столкновение единичного человека с самим собой как частицей громадного, бесконечного мира. Страшно ощутить бесконечность в самом себе — и страшно не заметить ее. В первом случае — это невероятная тяжесть ответственности, слишком ликующая гордость, от которой может порваться душа; противоположность — чувство собственной нелогичности, безысходности существования, отвращение к миру и к себе. Однако размышление о смысле жизни необходимо любому человеку, без него нет полноценных людей.

1 Подходы и решения вопросов о смысле жизни

Вопрос о смысле жизни – это вопрос о том, стоит ли жить? А если все - таки стоит, то для чего жить? Издавна люди задавались этим вопросом, пытаясь найти логику своей жизни.

Существует два ответа к решению этого вопроса:

1 Смысл жизни первоначально присуще жизни в ее глубинных основаниях, для этого подхода наиболее характерно религиозное толкование жизни. Единственное, что делает усмыслимой жизнь и потому имеет для человека абсолютный смысл, есть ни что иное, как действенное соучастие в богочеловеческой жизни.

2 Смысл жизни создается самим субъектом – в соответствии с этим утверждением можно понимать, что мы сами сознательно продвигаемся к поставленной перед нами целью, любыми способами бытия. Придаем смысл жизни и тем самым выбираем и создаем человеческую сущность, только мы и не кто другой.

Осознание смысла жизни, как главной ценности, носит исторический характер.

Каждая эпоха в той или иной степени оказывала влияние на смысложизненное определение человека.

Жизнь осмысленна — когда ты для чего-то нужен и понимаешь, для чего. Даже в полуживотном состоянии, в паутине повседневных забот и в болоте узкомещанских интересов — человек не перестает быть всеобщим, принадлежа не только себе, своей семье, своему классу, — но и человечеству в целом, и миру во всей его полноте. Конечно, отдельный человек, индивид — не может быть и человеком вообще, это разные уровни. Но человек вообще представлен в каждом отдельном человеке, поскольку всеобщее может существовать лишь как общность своих представителей. В каждом из них раскрывается своя сторона всеобщего — и любая его сторона необходимо должна быть кем-то представлена, обязана воплотиться и пройти свой путь как вещь, или живое существо.

Когда человек живет осмысленно — ему не становится легче жить, скорее даже наоборот. Но человек, знающий свое назначение, свою судьбу, — это всегда сила. Он может сомневаться и страдать, может ошибаться и отступаться от себя — это ничего не изменит. Смысл его жизни будет руководить им и заставит свершить то, что требуется, — хотя бы и вопреки воле самого человека, его желаниям и интересам, насколько он отдает себе отчет в них.

Существуют различные подходы к решению смысложизненной проблемы, из которых можно выделить следующие:

Смысл жизни в ее духовных основах, в самой жизни;

Смысл жизни выносится за пределы самой жизни;

Смысл жизни привносится самим человеком в свою жизнь;

Не существует смысла жизни.

В рамках первого подхода существует религиозная версия. Смысл жизни человека был задан Богом уже в момент создания человека. Создав человека по своему образу, наделил его при этом свободой воли. И смысл жизни человека состоит в достижении им заданного подобия с Богом.

Смысл человеческой жизни в – сохранении и очищении своей бессмертной души.

Философия рассматривает нравственный смысл человеческой жизни в процессе совершенствования ее духовных оснований и ее социальной сущности на началах добра.

Смысл содержится в самой жизни, но, в отличие от религиозной точки зрения, здесь утверждается, что смысл жизни человека находит в ней сам. Смысл жизни состоит из ситуативных, конкретных смыслов, которые индивидуальны, как индивидуальна сама жизнь. На основе ситуативного смысла человек намечает и решает ситуативные задачи каждого дня или даже часа.

Второй подход выносит смысл жизни за пределы конкретной жизни человека, происходит экстраполяция смысла существования человека на прогресс человечества, на благо и счастье грядущих поколений, во имя светлых идеалов и справедливости.

Все вышеперечисленное является высшим смыслом и самоцелью, тогда как каждое человеческое поколение и каждый ныне живущий выступает как средство для достижения этой цели. Многие люди живут во имя собственного будущего.

С точки зрения сторонников третьего подхода, жизнь сама по себе не имеет никакого смысла, а человек сам привносит его в свою жизнь. Человек как существо сознательное и волевое своими способами созидает этот смысл. Но воля, игнорирующая объективные условия человеческого бытия, навязывающая свой смысл, переходит в волюнтаризм, субъективизм и может повлечь за собой крушение смыслов, экзистенциальную пустоту и даже гибель.

Из уст современного молодого человека можно услышать, что смысл его жизни состоит в удовольствиях, радости, счастье. Но удовольствие является лишь следствием наших стремлений, а не его целью. Если бы люди руководствовались только принципом удовольствия, то это привело бы к полному обесцениванию нравственных действий, поскольку действия двух человек, один из которых потратил деньги на чревоугодие, а другой на благотворительность, были бы равноценными, так как следствием того и другого является удовольствие.

Что касается радости как смысла жизни, то радость сама должна иметь смысл. Даже ребенок с его очень подвижной нервной системой направляет свою радость вовне, на предмет или действие, ее вызывающие. Радость, следовательно, так же не самоцель, а следствие достигнутой цели. Смысл жизни открывается человеку только тогда, когда этого требует объективная необходимость, когда человечество в целом достаточно созрело для принятия, для освоения именно этой стороны своего существования. Иными словами, смысл жизни отдельного человека осознается тогда, когда эта жизнь становится действительно всеобщей, когда действия и поступки человека — это не индивидуальные его особенности, а нечто присущее многим людям, хотя бы и в разной степени, и не все вместе

Но все — таки попытки найти смысл жизни человека преобладали в истории человеческой мысли: Смысл жизни в ее эстетической стороне, в достижение того, что в ней величаво, красиво и сильно, в достижении сверхчеловеческого величия;

Смысл жизни в любви, в стремлении к благу того, что вне человека, в стремлении к согласию и единству людей;

Смысл жизни в достижении некоего идеала человека;

Смысл жизни в максимальном содействии решению задач общественного развития и всестороннего развития личности

Осуществленный смысл жизни, имеющий ценность не только для живущего, но и для общества, избавляет человека от страха смерти, помогает встретить ее спокойно, с достоинством и чувством исполненного долга.

2 Поиск смысла жизни

Жизнь каждого человека драматическая как бы удачно не складывалась жизнь, как бы она не была длительна, конец неизбежен. Все наши жизненные дела должны соизмеряться с вечным, человек обречен на размышление о смерти и в этом его отличие от животного, которое смертно, но не знает об этом, правда животные чувствуют приближение смерти, особенно домашние.

Духовные ценности — своеобразный духовный капитал человечества, накопленный за тысячелетие, который не только обесценивается, но как правило возрастает.

Как и почему философия может помочь в поисках смысла жизни? Дело в том, что единство различных сторон или этапов жизни достигается лишь в том случае, когда они подчинены чему-то еще, что не меняется именно сейчас (хотя, вообще говоря, в дальнейшем может подвергнуться).

Непосредственно философия не может дать ответ на любую жизненную проблему, указать выход из любой ситуации. Но она способна подготовить человека к выбору пути, дать ему средства для решения задачи — и уверенности в возможности такого решения. Краеугольный камень философского материализма — принцип материального единства мира — это прямое указание на то, что преобладающая и устойчивость в любых вещах или делах — такие же необходимые стороны, как их изменение и развитие. Если что-то есть — то оно должно быть. И если есть я, то я обязательно буду нужен — себе, другим людям, миру в целом. Незачем сомневаться в собственной необходимости — нужно лишь осознать ее, открыть ее для себя.

Философия дает человеку направление поиска смысла жизни. Ведь если ему ясно, зачем существует человечество вообще, зачем есть общество в том виде, в котором он его видит вокруг,

зачем в обществе та или иная группа людей — человеку гораздо легче определиться, через свое отношение к другим понять, зачем он сам.

3. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ:

Интернет – ресурсы:

1. ЭБС «Университетская библиотека online».